

Георгий Прохоров

(Коломна, Россия)

Доцент, доктор филологических наук

Кафедра русского языка и литературы,

Государственный социально-гуманитарный университет

E-mail: kaf.rus.gsgu@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4652-8698

Еврей перед судом. Об отражении дела Аркадия Ковнера газетой «Московские ведомости»

Аннотация: В статье рассмотрены риторические, дискурсивные, идеологические аспекты подачи газетой «Московские ведомости» судебного разбирательства по делу Аркадия Ковнера (крупное хищение из Московского купеческого банка). Мы показываем, как антисемитские мотивы врываются в риторические построения об очевидном, далеком от политики преступлении и приводят к дегуманизации обвиняемого. Сторона обвинения и судебный корреспондент объясняют эгоизмом, злой волей, отрицанием общепринятых цивилизованным миром ценностей и криминальностью не только действия Ковнера по подготовке хищения, но и его взаимодействие с родственниками, его чувства к членам семьи. Реальный человек в судебном процессе оказался замещен пришедшим из литературы образом. Судебное разбирательство и его отражение в прессе продемонстрировали отсутствие общего коммуникативного пространства между подсудимым евреем и русским обществом, а также роль предрассудков в объяснении действий и поступков евреев.

Ключевые слова: антисемитизм, этнические предубеждения, судебный дискурс, риторические стратегии, пресса, Аркадий Ковнер.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.03

Введение

Велижское дело (1823–1835), Саратовское дело (1852–1853), Кутаисское дело (1878–1879), Дело Бейлиса (1913), Дело Еврейского антифашистского комитета (1948–1952), Дело врачей (1951–1953) – громкие, хорошо изученные «кейсы» [Гессен 1905; Кацис 2006; Панченко 2010; Leikin 1993; Lindeman 1992], демонстрирующие маскировку антисемитизма под юри-

дическое разбирательство. В этих процессах обвинитель не столько обличает конкретную группу лиц в конкретном преступлении, сколько обосновывает зловерность евреев – их несовместимость с христианским (или позднее – атеистическим) обществом.

В отличие от упомянутых процессов дело Аркадия Ковнера было сугубо криминальным – крупная кража при помощи подложного распорядительного документа. Процесс проходил под пристальным вниманием прессы. Судебное разбирательство заняло один день – 4 (16) сентября 1875 г., но газета «Московские ведомости» отвела под его освещение 4 номера (№ 225–228). «Знаменитое, – писал судебный корреспондент газеты, – наделавшее столько шума весной сего года дело о похищении посредством подложного перевода 168 тысяч из Московского купеческого банка привлекло сегодня в залу заседаний Московского окружного суда массу публики» [МВ 225, 6]. Другие газеты тоже не молчали. Московская газета «Современные известия», распространявшаяся в рознице по всей России, ввела сообщения из зала суда (переработанные перепечатки из «Московских ведомостей») в шесть номеров (4–9 сентября, № 243–248). Влиятельная петербургская газета «Голос», основанная А.А. Краевским, обратилась к суду над Ковнером в трех номерах: 5, 7 и 10 сентября (№ 245, 247, 250). Вслед за маленькой информационной заметкой об итогах судебного заседания появилась большая обзорная статья и затем фельетон «Еще одна жертва Ваала» [Голос 250, 1].

С эпохи античности судебные процессы с присущей им апелляцией к обществу и судьям, убеждением в виновности или невиновности подозреваемого шли рука об руку с риторикой [Kennedy 1999, 20–25]. Но будучи обращениями к публике, присяжным заседателям или к профессиональным судьям, такие тексты, помимо фактов и позиции оппонирующих сторон, включают в себя стереотипы этнического, социального, гендерного и других планов. Как проявляются и какую роль играют стереотипные установки о евреях во вполне прозрачном криминальном процессе и его освещении в печати?

Аркадий Ковнер и его преступление

Май 1875 года. Бывший журналист петербургской либеральной газеты «Голос» – еще недавно автор еженедельной колонки – попадает на крупном мошенничестве. Аркадий Ковнер крадет у пайщиков Московского купеческого банка 168 тыс. руб. Из редакции «Голоса» Ковнер ушел не позднее зимы 1873/1874 гг. и занял позицию русского корреспондента в С.-Петербургском Учетном банке. Новые должностные обязанности (переписка с банками-контрагентами, подготовка платежных ордеров) открыли ему путь к мошенничеству. Ковнер составил фальшивый пла-

тежный ордер (и сопроводительное письмо к нему) на выдачу через Московский купеческий банк 168 тыс. руб. Герцу Буярину, своему дяде. Величина суммы, предназначенной к единоразовой выплате неизвестному в коммерческой среде лицу, смутила представителей московской финансовой организации. Однако ничто в представленном документе не намекало на подделку. Ордер был написан привычным почерком, содержал все необходимые печати и подписи. Пришло и сопроводительное письмо, направляемое из банка в банк, написанное тем же самым почерком. Оснований для неисполнения платежа не было никаких. 28 апреля наличные деньги были выданы Герцу Буярину, вслед за чем представленный им документ отослан в Петербургский учетный банк, чтобы истребовать из него сумму. Несколькими часами позже Московский купеческий банк получил телеграмму, что выплата совершена по подложному документу, причем выписавший документы служащий Ковнер исчез в неизвестном направлении. Преступникам удалось скрыться. Но уже 8 мая 1875 г. бывший журналист был задержан в Киеве. Полиция засекала его несколькими днями раньше в Могилеве при единоразовом приобретении финансовых инструментов на сумму 10 тыс. руб., осуществленную под именем никому неизвестного Боруха Соловейчика. После неудачной попытки застрелиться при аресте Ковнер возвратил все находившиеся при нем деньги (120 тыс. 262 руб.) и оформил добровольную явку с повинной. Герца Буярина с оставшимися у него 48 тыс. руб. разыскать не удалось.

Газеты шумно отреагировали на хищение. Сказалась принадлежность подозреваемого к штату ведущей общенациональной газеты, причем либерального толка. Помимо заметного общественного положения обвиняемого внимание публики было приковано уникальным сочетанием масштаба украденного и простоты преступления. До тех пор никто не похищал из крупнейших и респектабельных банков такие суммы, подделав всего два документа. В судебное разбирательство были вовлечены обвинитель Николай Валерианович Муравьев, адвокат Лев Абрамович Куперник, председатель жюри присяжных – профессор Московского университета Николай Саввич Тихонравов. Председательствовал на суде Загоскин. Московский купеческий банк представляли Эдуард Бернер и Гавриил Иванов – клерки, вовлеченные в принятие решения о выдаче денег из кассы. Управляющий банка Иван Бабст участвовал в разбирательстве, но в статусе свидетеля защиты. Петербургский учетный банк был представлен слабо – лишь секретарем Григорием Багровым, еврейским писателем, знавшим Ковнера по редакции А.А. Краевского. Невнимание к судебным заседаниям со стороны потерпевших объясняется просто – значимость дела по размеру ущерба была сомнительна. По общему объему присвоенного тоже. Как заметил адвокат: «...[в] сравнении с делами о нижегородской соли, сестрорецких лесах, Солодовниковских

векселях, Овсянниковской мельнице, [преступление Ковнера] не очень значительно» [МВ 228, 3]. Уже после приговора Ковнер напишет Федору Достоевскому, что изначально не планировал наносить финансовый ущерб: «...я соблазнился и решился похитить жалкую сумму, которая составляет 3 процента с чистой [выделено Ковнером. – Г.П.] прибыли за один год пайщиков богатейшего банка в России. Эти 3 процента составили 168000 рублей» [НИОР РГБ. Ф. 93. К. 5. Р. 2. № 82. Л. 6 об.].

На процесс остроотреагировали общество и пресса. Газетчики наперебой демонстрировали, что не покрывают «своего», хоть и бывшего, но оступившегося коллегу. Вероятно, им было ясно, что дело Ковнера весьма эффектно как информационный повод, поскольку украденная сумма звучала для читателей умопомрачительно огромной. Произшедшее буквально перед глазами обывателя обогащение можно было воспринять как вывороченную наизнанку «рождественскую историю» – чудесное и мгновенное превращение бедняка в богача. Но превращение это было преступным, а потому завершилось разоблачением и наказанием.

Риторика обвиняемого Аркадия Ковнера

Я отомщен! Я не хотел Вашего разорения, Вашей гибели, я жаждал Вашего позора, Вашего унижения, Вашей досады, а этого я вполне достиг <...>, Вашего кармана я не затронул, за мой грех расплатятся другие, Вы в стороне, не Вы подписали то роковое письмо... Но легче ли Вам от этого? Вряд ли!

Теперь я Вам объясню мотив, который побудил меня совершить мой поступок. В нем виноваты исключительно Вы и никто другой. Я в душе честный человек, никогда я не совершал чего-либо похожего на преступление. Унижившись до того чтобы просить у Вас места, я думал, что сумеете различить между простым тружеником, который дальше своей конторки ничего не смыслит, и человеком, стоящим на высоте европейского образования, каков я. Но Вы не обратили на это внимания, и я сделался личным, злейшим врагом. Я не мог простить Вам, что Вы назначили мне такое ничтожное жалование, когда знали очень хорошо, что у меня семья и бедные родители. Я не мог простить Вам, что Вы вознаграждали меня наравне с мальчишками, тупыми и безграмотными, что Вы не удостоили меня своего внимания... [МВ 227, 4]

Этим письмом, отправленным директору Петербургского учетного банка А.И. Заку сразу после получения денег из кассы Московского купеческого банка, Ковнер сам начал разговор о совершенном преступлении. К моменту составления письма он не только не был пойман, но даже не был подозреваемым. Вряд ли бывший журналист не понимал, что письмо неизбежно фиксирует детали, что оно будет передано в полицию и что, вероятно, станет публичным. Скорее всего, это вариант «открытого

письма», написанного на случай успешного бегства за границу, своеобразная апология своего имени и деяния. Риторика Ковнера на процессе продолжает данное письмо и выстроена вокруг двух моментов. Во-первых, хищение – месть директору Петербургского учетного банка Заку и руководителю службы корреспондентов Кану за их бесчеловечное отношение к тогда еще лояльному сотруднику.

«[...] платил еще свои долги, содержал эту семью [второй жены], – защитник упустил из виду, что я содержал и своих детей и родителей, которые жили в Вильне. Конечно, мне оставались рублей 40 и 50 в месяц, а на эти деньги в Петербурге, при той обстановке что в Банке надо быть прилично одетым, жить не было возможности. <...> если бы не забота о насущном хлебе, я бы не совершил этого преступления. Я относительно своей должности никогда не был спокоен; директор мог всегда уволить, как это и делал с другими» [МВ 228, 3].

Второй тематический центр – несоответствие строгости требуемого наказания тяжести преступления. Похищенные средства не были растрачены, спрятаны или выведены; наоборот, сумма была почти целиком возвращена потерпевшим. Банк лишился лишь денег, присвоенных Герцем Буяриным, которого полиция не смогла отыскать и о местонахождении которого Ковнер ничего не знал. Парадокс в том, что признавший свою вину и представший перед судом преступник понес на себе все издержки:

...потерял имя, честь, возможность трудиться и потому решил лишиться себя жизни, и не знаю счастье ли это или несчастье, но мне это не удалось [МВ 226, 5; ср. МВ 228, 3].

Заявляя в качестве мотива преступления личную месть, Ковнер представляет хищение как ответный удар бесправного мелкого служащего по репутации начальства. Преступление здесь подобно перформансу: оно демонстрирует всем и каждому непрофессионализм дирекции Петербургского учетного банка, неспособность защитить платежную информацию и распорядительные документы, выстроить процессы управления в банке, наладить деловые отношения в коллективе. (На суде адвокат Лев Куперник опросит управляющего Московским купеческим банком Бабста, чтобы продемонстрировать разительный контраст принятой в Петербурге волюнтаристской выплаты премиальных с прозрачным распределением средств в Москве в зависимости от годовой зарплаты каждого служащего [МВ 226, 5]).

Полемика вокруг меры вины и наказания была призвана внести моральные аспекты в итог судебного разбирательства, хотя послереформенное законодательство обуславливало максимально механистичный ход

уголовных дел» [Филиппов 1871, 8–16]. Должен ли суд, вынося приговор, оставлять в стороне личность подсудимого, его биографию, сопутствующие обстоятельства? Справедливо ли определять тяжесть деяния по общей сумме похищенного и без учета значимости украденного для потерпевшего? Может ли справедливый приговор игнорировать вред, наносимый третьим лицам – невиновным?

Помимо названных выше общих положений Ковнер привносит в апологию ряд элементов, укорененных в еврейской традиции.

Я совершил это преступление и сознаю всю гнусность его, но оно было вызвано *не злою волей* [выделено мной. – Г.П.], как то доказывает обвинитель, а вследствие целой цепи тяжелых обстоятельств, которые я не мог разорвать, не имел физической возможности. В продолжение тридцати лет я постоянно борюсь, никогда ничего не имел обеспеченного, ничего верного и, если бы Зак сделал со мною какое-нибудь условие, то я не совершил бы этого преступления [МВ 228, 3].

«Злая воля» – словосочетание несколько раз использовано обвинителем, но подсудимый понимает этот суггестивный словесный штамп как *йецер-ха-ра* (буквально: устремление ко злу; вместе со своим антагонистом, устремлением к добру, – врожденный мотив человеческих действий согласно еврейской традиционной антропологии). Он решительно отрицает отождествление своих действий с подобным устремлением и назойливо убеждает присяжных, что не руководим злом, способен отделять добро от зла, признавать свои провинности. Отсюда вытекает его просьба к русским присяжным предоставить возможность вернуться в общество, загладить совершенное:

...[я] думаю, что если мне не закрыты все пути, то еще могу сделаться честным человеком. <...> от вас зависит возвратить меня к детям, родным, жене. Во всяком случае я надеюсь на ваше снисхождение [МВ 228, 3].

Желаемый оправдательный (или хотя бы мягкий) приговор Ковнер подает как возможность реализовать *тшуву* (покаяние; буквально – ‘возвращение’).

Бесчеловечное отношение Зака и Кана – другая ключевая тема для подсудимого, которую заметят и обвинение, и председатель суда, и журналисты. Выступая свидетелем обвинения, секретарь Багров по просьбе председательствующего Загоскина объяснит придирки к Ковнеру непригодностью последнего к должности. (Корреспондент «Современных известий» отметит противоречивость показаний Багрова и задаст риторический вопрос, почему Ковнера же не только не уволили, но и увеличили ему жалование [СИ 248, 2]). Ковнеру же важно было показать,

что лицо, принявшее его на работу, и лицо преследующее совпадают. По мысли подсудимого, Зак взял его в банк, исполняя *мицву* о помощи бедняку работой (ср. из речи секретаря «он был принят директором из сострадания» [МВ 226, 5]). Соблюдая *мицву*, Зак не увольняет сотрудника и тем самым сохраняет ему источник дохода. Но при этом не заключает и твердый контракт, то есть держит на птичьих правах, причем так, чтобы эти птичьи права были очевидны всем коллегам. Дегуманизация и восприятие его личности лишь как средства достижения благочестивости вызывают радикальный протест Ковнера и приводят в итоге к преступлению. (Впоследствии именно в таком ключе Ковнер будет трактовать образ дяди, брата отца, – лицемерный тиран, упивающийся показной благочестивостью [Ковнер 1903, 979]). Обвиняемый – мститель, причем не только за себя, но и, вероятно, за поруганный дух Торы:

...это переполнило чашу, и я решился отомстить Вам, и я отомстил, Вы теперь будете посмешищем, и я торжествую, потому что когда вижу что такой отвратительный эгоист, как Вы, такой бездушный, тщеславный, безграмотный, *оторванный от национальности* и человечества, полусумасшедший *жидок*, опозорен и сброшен с своей *воображаемой высоты* [курсив мой. – Г.П.], то это великое торжество для многих истинно мыслящих людей» [МВ 227, 4].

Ковнеру свойственна смесь библейского, национального и социалистического письма. Проживая за чертой оседлости, он позиционировал себя атеистом, но был выходцем из семейства раввинов и в юности вполне успешно учился в Мирской ешиве, откуда за что-то был изгнан [Ковнер 1903, 997]. Нотки былой религиозности с завидной регулярностью врываются в его речь, так что последняя порой принимает апологетический по отношению к традиции тон:

Теперь судите сами, питаю ли я «ужасную ненависть к русским, именно потому, что я еврей»! <...>. Тем не менее (или потому именно) продолжаю утверждать, что 60 миллионов [русского. – Г.П.] народу живет без всякого понятия о христианстве (за исключением, разумеется, обрядной стороны) и ничем не отличается от язычников [НИОР РГБ. Ф. 93. К. 5. Р. 2. Д. 82. Л. 21 об.].

Защищая себя, Ковнер обращает внимание присяжных на необходимость корреляции буквы и духа, чтобы регулировать общественную жизнь, не противореча этике и гуманизму. По мысли подсудимого, этика стоит над государственным законом. А потому использование официального права в качестве прикрытия некрасивых поступков дарует угнетенному право на месть. Последняя может быть незаконна с формальной точки зрения, но по духу она вдохновлена не узкими корыстными интересами, но императивом воздаяния за поруганную этику. Следование

высокому императиву в значительной, если не полной, мере искупает вину за нарушение закона и должно учитываться судьями в качестве основания для проявления милости.

Риторика обвинения

Детали и «механика» преступления были очевидны. Обвинению не нужно было доказывать вину. Вопрос заключался в окончательной классификации состава преступления, а также в признании явки с повинной и в подведении итогов полемики о снисхождении. В ключевую тему на судебном разбирательстве обвинение выдвигает жалование Ковнера, его общие доходы. Муравьев доказывает, что преступление совершено не от нужды, не от тяжелой борьбы с нищетой, а от полного довольства и сытости:

1200 руб. годового жалованья, 200 р. наградных, да вознаграждение за постоянное помещение статей в разных газетах и журналах, доходившее до значительной цифры 100 р. в месяц, вот материальные средства Ковнера, его годовой бюджет в то самое время, когда им было задумано преступление. Спросите свое знание жизни, гг. присяжные, много ли *честных и образованных тружеников, пропитывающих огромные семьи* [курсив мой. – Г.П., штамп, характерный для речи Ковнера о себе], даже занимающих видные должности на государственной службе, имеют такое сравнительно большое обеспечение [МВ 227, 5].

Корреспонденции из зала суда рисуют буквально галопирующую по ходу процесса оценку доходов подсудимого. Изначально следствие говорит о 1200 руб. в год, затем – о 1500 руб., непосредственно же перед вынесением приговора обвинитель вдруг заявляет о 3 тыс. руб. Сумма, как кажется, призвана вызвать отторжение Ковнера присяжными и обществом, поскольку зажавшийся вор воспринимается хуже голодного. Попутно прокурор выводит хищение из разряда объясняемых модной в те годы теорией среды, в рамках которой преступление есть результат «социальной болезни». Но разве справедливо большого наказывать?

Согласно обвинению, объем жалования разбивает доводы Ковнера как о нищете и безнадежном жизненном положении, так и о третировании на рабочем месте. В чем унижение, если человек взят из милости, терпим из милости, не считается способным к профессии, но при этом находится на службе с очень хорошим жалованием и возможностью на регулярные различные подработки? Сетования Ковнера обвинение представит доказательством сугубо формального характера признания вины, а значит, недействительности явки с повинной. По мнению обви-

нения, подсудимый не осознал тяжесть инкриминируемых деяний и не выразил полного раскаяния:

Ковнер, продолжал обвинитель, сознался потому что во имя простого здравого смысла ему больше ничего делать не оставалось. Для дела сознание его было не необходимостью, не разъяснением, а почти ненужной роскошью. <...>. Чистосердечным вполне оно не было, потому что Ковнер в то же время скрыл участие Кингиссер, скрыл направление и путь, избранные Буярином. Добровольным же оно быть не могло, потому что оно было у него вырвано – не грубою силою, не ухищрениями следователя, не обещаниями и угрозами, – а тем что неизмеримо лучше, вернее и чище – неотразимую силой собранных и развернутых перед ним красноречивых доказательств его вины [МВ 227, 4].

Qui pro quo. Аргументы Ковнера не встречают серьезного отношения остальных участников процесса. Важные подсудимому темы расцениваются и подаются обвинением как набор бессмысленных слов. Даже не бессмысленных, а скорее зловредных. При помощи нелепого риторического фиглярства вроде бы признавший свою вину вор пытается утаить главное и очевидное – рядовое хищение, совершенное весьма состоятельным и успешным человеком, позарившимся на большее.

Чисто еврейское преступление

На протяжении большей части истории России в ней не было еврейского населения, поэтому представление о евреях создавалось посредством художественной литературы [Панченко 2010]. После разделов Речи Посполитой сложилась парадоксальная ситуация: в России появилась одна из крупнейших в мире еврейских диаспор, но русское общество продолжало воспринимать ее сквозь призму литературы. Согласно художественному образу, еврей – синоним денег, причем добытых эксплуатацией аборигенного населения:

...чуть лишь вам понадобится справка о евреях и делах его, – то не ходите в библиотеки для чтения, не ройтесь в старых книгах или в собственных старых отметках, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя с места, не подымаясь даже со стула, протяните лишь руку к какой хотите первой лежащей подле вас газете и поищите на второй или на третьей странице: непременно найдете что-нибудь о евреях, и непременно то, что вас интересует, непременно самое характернейшее и непременно одно и то же – то есть всё одни и те же подвиги! [Достоевский 1995, 90–91; ср. Кулиш 1861, 141–142; Костомаров 1862, 41–47].

В свете этих представлений продвигаемый Ковнером в суде нарратив о его мести дирекции банка был расценен обвинением как эквилибристика, призванная запутать присяжных:

Далее обвинитель разобрал указания Ковнера на то что преступление совершено им, между прочим, вследствие желания отомстить директору С.-Петербургского учетного банка Заку. Это объяснение подсудимого противоречит само себе. Невозможно постигнуть, почему Ковнер думал мстить Заку, поддельвая его подпись и получая из Московского купеческого банка, оставляя таким образом Зака и Петербургский учетный банк совсем в стороне. Он хотел мстить Заку, а нанес ущерб только одному Московскому купеческому банку; Заку же, напротив того, принес пользу, доставив ему удовольствие убедиться что то грубое его обхождение с Ковнером и явное к нему недоброжелательство, на которое Ковнер так горько жалуется, было вполне и как бы пророчески основательно [МВ 227, 4].

Странная месть: деньги ненавидимых лиц целы, а украдены средства русских пайщиков стороннего Московского купеческого банка. Ордер подделан, что многократно подтверждено отчетливыми показаниями на следствии и суде. Иначе говоря, в большинстве своем еврейская дирекция петербургского банка освобождена от ответственности и выставлена потерпевшими. Всё становится ясным и понятным в ту самую секунду, когда во главу интерпретации мы ставим образ еврея с его стремлением к деньгам через обирание местного населения. Ковнер с Буяриным и Кангиссер обокрали цвет русской коммерции – пайщиков Московского купеческого банка (И.А. Лямина, Т.С. Морозова, Н.Н. Суцова и др.). Обвинение требует показательный приговор, чтобы дать понять общественности, что воровать в России русские деньги безнаказанно нельзя.

Мне сдается, – говорит Муравьев, – что в эту минуту, невидимо от нас, тысячи настоящих и будущих Ковнеров и Буяриных и их верных спутниц, притаив дыхание, с замиранием сердца ждут вашего приговора. Если вы согласите его с требованиями строгого правосудия, он спасет, поверьте мне, многих из них... [МВ 227, 5].

Ковнеров и Буяриных. Товарищ прокурора отчетливо указывает на национальный колорит дела. Чуть раньше он приписал обвиняемому стремление пустить похищенные средства в рост:

На добрые ли дела думал он прямо пустить похищенный капитал или рассчитывал быстро увеличить гениальными оборотами? [МВ 227, 5].

Подсудимые – евреи, поэтому указание Ковнера на особый характер его преступления для Муравьева представляется претензией на избранничество, то есть на инаковость, экстерриториальность и, в конечном счете, вседозволенность:

...уж не считает ли он себя каким-то *необыкновенным*, непризнанным *существом*, у которого и самый подлог *является* геройством, в самом мошенничестве сквозят доблесть и честь? (выд. корреспондентом газеты – Г.П.). Письма его к Заку и Меттерсону отчасти наводят на эту мысль. Пусть же ваш строгий приговор покажет ему что таких существ не бывает на свете или, лучше, что их отвергает общество и обвиняют присяжные [МВ 227, 5].

Расхожая в XIX веке юдофобская интерпретация избранничества заключалась в отождествлении его с бесчувственностью и безответственностью по отношению ко всем неевреям:

Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты един у Бога, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй [Достоевский 1995, 93; ср. Костомаров 1862, 43–46].

Соответственно, обвинение стремится безжалостно наказать Ковнера за ощущение особенности, выраженное в отказе признаться в обычном корыстном преступлении:

Первое что поражает в изложенных им побудительных причинах преступления – это отсутствие или утайка главной настоящей, несомненной, а может быть и единственной из них – простого побуждения грубой корысти [МВ 227, 4].

Процесс Ковнера: Media Coverage

В отличие от стенограммы, судебная хроника на страницах газеты – еще и обращенный к читателю рассказ редакции (корреспондента, редактора) о произошедшем событии. Все многочисленные «...далее обвинитель перешел к...» суть швы, обусловленные купированием стенограммы и, в конечном счете, отбором. Судебный корреспондент и редакция маркируют что-то из услышанного или увиденного как важное, а что-то – как неважное. Соответственно, газетный текст – не чистое зеркало, но повествование, в котором границы речи, смена нарративов выражают не только хронологический ход реального процесса, но и реализуют замы-

сел журналиста, организуют коммуникацию между редакцией и обществом, а в какой-то мере диктуют читателям, как надо смотреть на мир.

Прокурор, свидетели, председательствующий, глава коллегии присяжных не говорили открыто о Ковнере и иных вовлеченных лицах как о евреях. Преступник якобы просто преступник, тогда как его род и племя вроде и не важны. Напрямую о подсудимых как евреях говорит лишь адвокат.

[П]леменная особенность настоящего дела, то что оно совершено Евреями <...>. Нельзя не сказать, что по отношению к Евреям мы живем еще в XVI столетии <...>. Начиная с ямщика наших внутренних губерний, отроду не видавшего Еврея, но не пропускающего случая ругнуть свою лошадь «жидом», и кончая газетами, обвиняющими – в 1875 году по Р.Х. – Евреев в том, что они на Пасхе пьют кровь зарезанных ими христианских младенцев <...>. Стоит только назвать Еврея, чтоб услышать сейчас же: воровство, мошенничество, эксплуатация, проценты, и т.д. [МВ 228, 3].

В отсутствие отсылок к еврейскому происхождению обвиняемых от иных процессуальных сторон пассаж адвоката напоминает демагогию, призванную то ли разжалобить присяжных, то ли подставить прокурора и судей под возможное обвинение в антисемитизме. (Обвинение для культурного русского XIX века весьма тяжелое – см. ситуацию вокруг конфликта редакций «Иллюстрации» и «Русского инвалида» в 1858 г. [Русский Вестник 1858, кн. 1, 125–134; кн. 2, 245–247]). Однако прав адвокат. Не будучи произнесенным, еврейство подсудимых присутствует перманентно. Например, оно находит выражение в том, как подавались прессой портреты обвиняемых.

На скамье подсудимых, за решеткой, появилась маленькая фигурка Аркадия Ковнера. Облеченный в арестантский армяк, он имел вид довольно мизерный; лицо его не отличается выразительностью, равно как и его манера объясняться. По-русски он говорит грамматически правильно, но с довольно заметным еврейским акцентом <...>.

Девушка Софья Кангиссер, как она называлась во время совершения преступления, а ныне законная жена Ковнера <...> находится на свободе <...>. Она недурна собой, черты лица ее резко еврейского типа. Держалась на суде очень скромно и боязливо; говорила очень тихо и часто плакала [МВ 225, 6].

Именно такими, с подачи «Московских ведомостей», образы подсудимых разлетятся по газетным публикациям [ср.: СИ 246, 3]. Аркадий Ковнер – маленький незаметный еврей, посягнувший на огромные чужие капиталы (ср. образ Соломона в «Скупом рыцаре» Пушкина). Его девушка, жена и *подельница* Софья Кангиссер подана прекрасной еврейкой

с присущим упором на экзотизм и чувственность [ср.: Фельдман 2007, 105–115]. Корреспондент демонстрирует ее плачущей, но обрамляет этот портретный элемент призывами прокурора к присяжным подозревать ее во «вдохновительстве» преступления. С точки зрения обвинения, всё семейство Ковнера было скреплено не родственными узами и чувствами, а криминальными ролями [МВ 227, 4].

Ковнер рисуется чужаком. Он выучил русский язык, не нуждается в помощи переводчика, говорит по-русски грамматически правильно. Однако журналист не проходит мимо его акцента, который как бы нивелирует все отмеченные выше достижения. Быть может, Ковнер и овладел языком, но не смог стать русским (об изолирующем и остраляющем характере диалекта и еврейского акцента, в частности, см.: [Бондарь 2021, Fanon 1967, 38–40]).

Корреспондент передает ключевые фрагменты допроса подсудимых, особо задерживаясь на биографии Ковнера. Материал сжат до десятка минут чтения. Отбирая, журналист помещает в центр еврейский бэкграунд. Но Ковнер интересует корреспондента в качестве типа – ассимилирующегося еврея, решившегося войти в общий социум Российской империи:

Я родился в Вильне и до 17 лет занимался исключительно еврейскими предметами; я даже не знал русской грамоты» <...> ...увидав, что больше не могу оставаться в Вильне, я убежал, да, буквально убежал в Киев, где в университете был мой брат [МВ 226, 4].

Образ Ковнера выстроен вокруг: а) отсталости местечек, ешив, жизни по галахе и б) исключительного эгоизма.

[Н]а 18 году родители женили меня на девушке, которая была гораздо старше меня; я ее не любил и прожил с нею полтора года <...>. Прибавлю, что от первой жены я имел двух детей – девочку и мальчика... [МВ 226, 4].

Бегство из Вильны понятно – даже в дебрях еврейского мира осознают, что на пороге XX века нельзя жить по Талмуду. Бесчувственный же рассказ об оставлении жены и детей подчеркивает поврежденность еврейской природы в целом, *in essentia*. Моральное падение подсудимого было отмечено и в ключевом слове и прокурора:

...Если та развитая умственно среда, в которой он вращался, <...> не научили его, что похищать, подделывать подписи, обманывать – дело позорное, недостойное, противное нравственной природе человека, значит глубоко его нравственное падение и прочны те задатки зла, которые в нем коренятся [МВ 227, 5].

Даже тот еврей, который остро осознал ограниченность традиционного еврейства, выбрался за черту оседлости, все-таки неспособен проводить границу между добром и злом.

Подсудимый смышлен и работоспособен – его можно было бы похвалить, поддержать.

В Киеве я начал учиться всему, конечно с азбуки, по-русски и по-французски. Первые два месяца брат меня поддерживал, затем я усвоил себе некоторые предметы и сам стал давать уроки [МВ 226, 4].

Но – показывает журналист своему читателю – сколько в нем эгоизма и самолюбования! Сколь он поверхностен! Сам отмечает, что в Вильне не учил русского, не умел говорить по-русски, не учил никаких предметов, кроме талмудических. И при этом хвалится, что через два месяца жизни в Киеве репетиторствует, «усвоив некоторые предметы». Параллельно пишет статьи в еврейские газеты, издает книги на иврите, просвещающая обычных традиционных евреев, не понимающих его и отвергающих устремления к модернизации.

Видя, что в Киеве ничего не могу себе хорошего сделать, уехал в Одессу, где точно также прожил четыре года, наделал долгов около 400 рублей и, чтобы избавиться от них, принял приглашение приготовить двоих детей в Екатеринбурге. Я уехал туда, прожив год, приготовил мальчиков... [МВ 226, 4–5].

Корреспондент «Московских ведомостей» передает «свершения» Ковнера в форме перечисления, почти списка, что усиливает эффект эгоизма, самолюбования и не основанной на чем-либо амбициозности портретируемого, которые лишь сам подсудимый почему-то не замечает. Перед нами, читателями, предстает новый, светский вариант *caecitas Iudaeorum*, еврейской слепоты. Ковнера легко можно принять за романтического героя-энтузиаста, бесконечно талантливого, непонятого и отвергнутого всеми. Быть может, он и сам искренне видит себя таковым. Однако для такого видения, по мнению корреспондента и редакции «Московских ведомостей», нет оснований. Данная газета издавалась Михаилом Катковым – приверженцем классического образования, развивающего ум и воспитывающего. Трудно представить явление, более далекое от катковского идеала, нежели Ковнер – self-made, самостоятельно кое-как усвоивший живые языки, не окончивший университет, который, однако, готовит ребенка к поступлению ажно в Московский университет, да всего за один год!

Вильна, Киев, Одесса, Кунгур, С.-Петербург. Ковнер меняет города как перчатки. Нет у него чувства принадлежности к какому-либо сообществу – ни к городу, ни к региону, ни даже к еврейской общине или семье.

Корреспондент «Московских ведомостей» формирует образ безродного космополита, скрепленный жаждой личного успеха и известности:

...оттуда посылал разные корреспонденции в Петербург, куда вскоре и сам поехал. В Петербурге я также знакомых не имел, ходил по разным редакциям, но работы все-таки себе не достал и, хотя помещал свои статьи в «Деле» и еще кой-где, но имел за это самое скудное вознаграждение [МВ 226, 5].

Когда социальные и локальные связи не имеют значения, то единственным мерилом успешности и высокого положения становятся деньги. Образ из судебной хроники вернулся к стереотипу, тождество сложилось.

Образ Ковнера, как он предстал в «Московских ведомостях», традиционен и привычен публике. Он последовательно формируется за счет негации человеческих чувств и эмоций, которые замещаются материальным расчетом. Происходит тотальная дегуманизация. Может ли еврей проявлять высокие чувства? – Газета отвечает, что нет.

Перед вами на скамье подсудимых проливались обильные слезы <...>, позвольте мне надеяться что вы не поддадитесь увлечению этими слезами <...>, даже не давая себя труда разбирать, искренни ли они или притворны [МВ 227, 4].

Есть ли у еврея чувство собственного достоинства? – Нет.

...вы увидите что необыкновенного в нем только одно – по истине изумительное самомнение подсудимого, не оставляющее его ни в каких положениях, да разве еще способное вызвать негодование циническое отношение его к закону и собственности своих сограждан [МВ 227, 4].

Есть ли у еврея профессионализм? – Нет.

...и нельзя сказать, чтоб он свободно владел языком и вообще обладал способностью облекать свою мысль в литературную форму. Вот почему довольно странно было слышать, что Ковнер автор какой-то повести, напечатанной, но задержанной цензурой; что он писал в Голосе передовые статьи по финансовым вопросам, в течение года вел в той же газете «четверговый фельетон» и участвовал в журнале «Дело» и в других петербургских периодических газетах [МВ 225, 5].

В[опрос]. «Слышали что он писал передовые статьи по финансовым вопросам?» – О[твет]. «Я не думаю, чтоб он писал, потому что он не финансист» [МВ 226, 5]

Может ли еврей быть нравственным человеком? – Нет.

...я надеюсь, уделите им [подсудимым] ровно столько труда и внимания сколько требует вообще их положение как подсудимых, сколько нужно будет для правильного разрешения вопроса о их виновности – ни больше, ни меньше. <...> Этим вы <...> личность подсудимого Ковнера низведете с той призрачной, искусственной высоты, на которой он всеми силами старается держаться, представляя из себя, вопреки очевидности, какого-то необыкновенного человека брошенного необыкновенными обстоятельствами в чуждый ему омут необыкновенного преступления [МВ 227, 4].

Осуждение и дегуманизация образуют смысловой каркас, скрепляющий подачу материалов о преступлении Ковнера и о нем как личности.

Личность vs социокультурный штамп. Итоги процесса

Отчуждающее отношение к своей персоне Аркадий Ковнер чувствовал и остро переживал. Тема отчетливо слышится в его последнем слове [МВ 228, 3]. Она проходит по письмам из тюрьмы к Достоевскому, в которых Ковнер раз за разом повторяет, что не был единственным человеком, преступившим закон; даже не был единственным литератором, вовлеченным в кражу. Чем отличается он, например, от Василия Ивановича Немировича-Данченко, дважды судимого, но отношение к которому со стороны общества было куда снисходительнее [НИОР РГБ. Ф. 93. К. 5. Р. 2. № 82. Л. 34]? Дегуманизация – весьма обычное отношение к чужаку, особенно если последний видится стоящим на низкой цивилизационной позиции и, соответственно, нуждается в опеке и «перековке» – исправляющих наказания/поощрения. В Российской империи XIX в. евреи виделись таковыми (ср. «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта Евреев» Г.Р. Державина).

Журналистика вокруг процесса Ковнера отражает замещение эмпирического преступника-еврея готовым образом, порожденным литературой, публицистикой, традицией. Формально подсудимый реализует свои базовые права – дает показания, защищает себя, выдвигает свой нарратив. Однако в действительности его не готовы слушать. Ковнер говорит на русском языке, но по семантике, ключевым словам и положениям его высказывания еврейские. Эмпирический же еврейский *mir* – terra incognita для судей и русской публики, уверенных, что привычный им образ еврея есть реалья. (Ср. в этом ключе итог размышлений Дж. Трахтенберга – «Мифическая фигура еврея <...> вытеснила из средневекового сознания реального еврея <...>. Вместо него средневековые христиане предпочли видеть перед собой некую фикцию, плод своего воображения» [Трахтенберг 1998, 202]). При отсутствии общего коммуникативного фундамента обвинению естественно объяснять преступление рамками

стереотипов о евреях, а показания самого подсудимого – стремлением выйти сухим из воды, отняв у инородцев деньги. Ср. в исторической драме Н. В. Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский»:

Ночи тень
Сменит день
Возвращенья.

Загорит,
Заблестит
Свет денницы.

И орган,
И тимпан,
И цевницы,

И серебро,
И добро,
И святыню

Понесем
В старый дом,
В Палестину. [Кукольник 1852, 415]

В складывающейся ситуации адвокат противостоял именно дегуманизации подсудимого. Лев Куперник последовательно демонстрировал присяжным Ковнера как обычного человека с естественной психологией и мотивацией поступков. Более того, как человека, живущего в «малом времени» (термин М. Бахтина) тогдашней Российской империи.

Вы уже слышали, откуда взялся Ковнер; слышали, из какой непросветной труппы быта Евреев северо-западного края вышел он на свет Божий, как мало-помалу приобретал он сведения, познания и дошел наконец до того, что имел место в Банке, был сотрудником газет и журналов, писал и повести, и романы, и критики, и фельетоны. Вы понимаете, какую гордость он должен был чувствовать, какое самомнение в нем должно было развиваться <...>. И вот с головой сильно, но неправильно развитою, с тщеславием весьма понятным, с порывами к широкой деятельности, к известности, легкие отблески которой он уже видел в своем муравейнике, – такой юноша попадает в Петербург <...>. Начинается тяжелая борьба за существование <...>. А тут каждое утро, приходя в Банк, он присутствует при величавых оборотах миллионов, он видит, как без всякого труда приобретаются громадные состояния, он видит, как Банк, принимая деньги по 3,5%, получает на них по 8, как Банк, играя на бирже,

на разницу, в один миг получает то, что на десять лет могло бы обеспечить сотни людей, он присутствует при всех этих подписочных оргиях, он живет в этой растлевающей среде – мудрено ли, что он не устоял? [МВ 228, 3].

Адвокат во многом преуспел. Приговор присяжных включил в себя фразу «заслуживает снисхождения», так что назначенное в итоге наказание оказалось сравнительно мягким – лишение всех прав и состояний с последующей отдачей на 4 года в арестантские роты. Лев Куперник не оставил своего подзащитного и после вынесения приговора. Последовали апелляции и прошения, в результате которых уголовный приговор удалось заменить добровольным выселением в Сибирь с последующим освобождением от наказания и обретением гражданских свобод на территории сибирских губерний.

Источники

- Достоевский 1995 – *Достоевский Ф.М. Дневник Писателя // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений* : в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. С. 85–106.
- Ковнер 1903 – *Ковнер А. Записки еврея // Исторический вестник*. 1903. Т. ХСІ. № 3. С. 977–1009.
- Костомаров 1862 – *Костомаров Н.И. Иудеям // Основа*. 1862. № 1. С. 38–58.
- Кукольник 1852 – *Кукольник Н.В. Князь Даниил Васильевич Холмский // Сочинения драматические* : в 3 т. Т. 2. СПб., 1852. С. 375–512.
- Кулиш 1861 – [*Кулиш П.А.*] Недоразумение по поводу слова «жид» // *Основа*. 1861. № 6 (июнь). С. 134–142.
- МВ 225 – *Московские ведомости*. 1875. № 225. 5 сентября. С. 6–7.
- МВ 226 – *Московские ведомости*. 1875. № 226. 6 сентября. С. 4–5.
- МВ 227 – *Московские ведомости*. 1875. № 227. 7 сентября. С. 4–5.
- МВ 228 – *Московские ведомости*. 1875. № 228. 8 сентября. С. 3.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 93. К. 5. Р. 2. № 82. («Письма А. Ковнера к Ф.М. Достоевскому»).
- Русский Вестник 1858 – *Русский Вестник*. 1858. Т. XVIII. Кн. 1–2.
- СИ 246 – *Современные известия*. 1875. № 246. 7 сентября. С. 3.
- СИ 248 – *Современные известия*. 1875. № 248. 8 сентября. С. 3.

Литература

- Бондарь 2021 – *Бондарь К. «И поживайте как – царrrr!»: комические средства речевой характеристики евреев у русских писателей XIX века // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной*

- традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН; Сефер, 2021. С. 167–177.
- Гессен 1905 – *Гессен Ю.* Велижская драма: Из истории обвинения евреев в ритуальных преступлениях. СПб.: Склад изд. при юридическом кн. складе «Право», 1904. 148 с.
- Кацис 2006 – *Кацис Л. Ф.* Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2006. 494 с.
- Панченко 2010 – *Панченко А. А.* К исследованию «еврейской темы» в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 79–113.
- Трахтенберг 1998 – *Трахтенберг Дж.* Дьявол и евреи: Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим: Гешарим, 1998. 293 с.
- Фельдман 2007 – *Фельдман Д. З.* Княгиня Е. И. Голицына – державинская «Жидовочка» // *Фельдман Д. З., Минкина О. Ю., Кононова А. Ю.* «Прекрасная еврейка» в России XVII–XIX веков: образы и реальность. М.: Древлехранилище, 2007. С. 105–115.
- Филиппов 1871 – *Филиппов М. А.* Судебная реформа в России : в 2 т. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1871. 623 с.
- Fanon 1967 – *Fanon F.* Black Skin, White Masks. New York: Grove Press, 1967. 232 pp.
- Kennedy 1999 – *Kennedy G. A.* Classical Rhetoric and its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1999. 348 pp.
- Leikin 1993 – *Leikin E.* The Beilis Transcripts: The Anti-Semitic Trial that Shook the World. Lanham: Jason Aronson, 1993. 241 pp.
- Lindemann 1992 – *Lindemann A. S.* The Jew Accused: Three Anti-Semitic Affairs, Dreyfus, Beilis, Frank, 1894–1914. Cambridge: Cambridge UP, 1992. 320 pp.

A Jew in a Court-room: The newspaper *Moskovskiy Vedomosti* on Arkady Kovner Process

George Prokhorov

(Kolomna, Russia)

Dr. of Science (in Literary Theory)

Dept. of Russian Language and Literatures,

State University of Social Studies and Humanities

E-mail: kaf.rus.gsgu@yadex.ru

ORCID: 0000-0003-4652-8698

Abstract: In 1875, Arkady Kovner, journalist, bank clerk and later in his career a civil servant in Congress Poland, forged a payment order for 168000 rubles from St. Petersburg Loan and Account Bank to the Moscow Merchant Bank. In the article, I focus on rhetorical, discursive and ideological issues of the process media coverage. Tracing court reports published in *Moskovskiye Vedomosti*, I analyse antisemitic prejudices with which the text is saturated and which dehumanise the person in the dock. The prosecutor as well as the reporter explain every single Kover's step—not only in his professional, but also private life—through egoism, malice, contempt for acknowledged social values and generic predisposing to criminal activities. Kovner as a real person is substituted with a literary image of a Jew – an natural materialist interested exclusively in profiteering off the native population. The substitution results in the negation of Kovner's explanations, when they contradict the conventional interpretative frame. The process and its media coverage show a desire for common ground between an assimilating Jew and Russian society. The Kovner process is far away from any politics, thus in this case we see how popular anti-Jewish sentiment affect the interpretation of how Jews act, think and feel.

Keywords: Anti-Semitism, ethnic prejudices, court discourse, rhetorical strategies, media, Arkady Kovner.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.03

References

- Bondar, K., 2010, "I pozhivaite kak – tsarr!": komicheskie sredstva rechevoi kharakteristiki evreev u russkikh pisatelei 19 veka ["And live like a Tsarr!..": Comic tools of speech features of the Jews by Russian writers of the 19th Century]. *Smekh i yumor v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Laughter and humor in the Slavic and Jewish cultural traditions], ed. O.V. Belova, 167–177, Moscow, Institut Slavianovedeniia RAN, Sefer, 2021, 294.
- Fanon, F., 1967, *Black Skin, White Masks*. New York, Grove Press, 232.
- Feldman, D.Z., 2007, Kniaginia E.I. Golitsyna – derzhavinskaia «Zhidovochka» [Countess E.I. Golitsyna – the "Jewess" of Derzhavin]. Feldman, D.Z., O.Yu. Minkina and A.Yu. Kononova. *Prekrasnaia evreika" v Rossii 17–19 vekov: obrazy i realnost* [Fair Jewess in Russia of the 17–19th centuries: images and reality], 105–115, Moscow, Drevlekhranilishche, 144.
- Filippov, M.A., 1871, *Sudebnaia reforma v Rossii*. [The judicial reform in Russia.], vol. 1, Sankt-Peterburg, 1871, 623.

- Katsis, L.F., 2006, *Krovavyi navet i russkaia mysl'. Istoriko-teologicheskoe issledovanie dela Beilisa* [The blood libel and Russian thought. Historical and theological research in the Beilis Affair]. Moscow, Jerusalem, Gesharim, 494.
- Kennedy, G.A., 1999, *Classical Rhetoric and its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times*, Chapel Hill, London, University of North Carolina Press, 348.
- Leikin, E., 1993, *The Beilis Transcripts: The Anti-Semitic Trial that Shook the World*. Lanham, Jason Aronson, 241.
- Lindemann, A.S., 1992, *The Jew Accused: Three Anti-Semitic Affairs, Dreyfus, Beilis, Frank, 1894–1914*. Cambridge, Cambridge UP, 320.
- Panchenko, A.A., 2010, K issledovaniuu “evreiskoi temy” v istorii russkoi slovesnosti: suzhet o ritual’nom ubiistve [Preliminary research to ‘Jewish issue’ in history of Russian literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 104, 79–113.
- Trachtenberg, J., 1998, *Dyavol i evrei : Srednevekoveye predstavleniia o evreiax i ikh sviaz’ s sovremennym antisemitizmom* [The Devil and the Jews]. Moscow, Jerusalem, Gesharim, 293.

Статья принята к печати 30.01.2023